

*Поэзия, прости Господи,
должна быть глуповатой.*

А.С. Пушкин

*Плечем я ничего не поправлю, хуже не будет,
Если не стану бежать с дикими утех и пиров.*

Архилох

*In the heart's last kingdom
Only the old are young...¹*

Р. Уоррен

* * *

*...Здесь дышится легко, и чистится спокойно,
И ясно грезится; и всё, что в быстрине
Мятущейся мечты нестрого и нестройно.
Трезвится, умирясь в душевной глубине,
И, как молчальник-лес под лиственной схимой,
Безмолвствует с душой земли моей родимой.*

В. Иванов. «Загорье». 1907

Аналитическо-критический, как бы сверху взгляд на биографию Вячеслава Ивановича насыщен гамлетовской тенью эпихально-бетховенского титанизма, исторических потрясений и личностных мифов.

Три революции, гражданская война, две мировые. Крушение порядков в России, Европе, на планете Земля: цитадели, «маятники заклатья». Полжизни – россиянин, вторые полжизни, с перерывами, – европеец.

¹ В бескрайней глубине вселенной сердцу
Чем сильнее ты – тем ты моложе...

Вольный перевод И. Фунт

Превращавший в места паломничества несчётные съёмные квартиры и по-театральному декорированные комнатки. Сам ставший символом непрерывного – на протяжении долгих плодотворных лет – духовного возвышения. Преодолевший вроде бы непреодолимое – культурную, методологическую пропасть меж православием и католицизмом. Собственноручно, так сказать, перешедший из одного вероисповедания в иное, в каком-то обусловленно-философском ракурсе обогнав-таки бессменного своего дискурсанта-оппонента Дм. Мережковского – в религиозных поисках счастливой звезды человечества. Человеческого рая.

В поисках ницшеанского приближения божественного, дионисийского:

*Ах! по Земле, по цветоносной, много
Светлых полян для куц святых:
Много полян ждут в ших уст приникших
И с диффир мбom дружных ног!*

Эти строки из «Земли» Вячеслав Иванович заключит паразфразами «...есть бури, которые одним дыханием развевают мелочную паутину нашего рассудка. Когда наш порабощённый язык разучится лепетать слова молитвы, само вещество возопиет; молитвенно воспрянут дружные с дифирамбом ноги, и загремит экстатическая молитва музыки!».

На что Мережковский саркастически ответит в «Грядущем Хаме» (1905): «Одну половину Нитче взяли босяки, другую наши декаденты-оргиасты. Не успел ещё скрыться Пляши-Нога, как поклонники нового Диониса запели: “Выше поднимайте наши дифирамбические ноги!” Одного немца пополам разрезали и хватило на два русских “новых слова”. Глядя на все эти невинные умственные игры рядом с глубочайшей нравственной и общественной трагедией, иногда хочется воскликнуть с невольною досадою: золотые сердца, глиняные головы! А эстетика деревянная». – Стерев Иванова в публицистический порошок: в «кэкуск московских трактиров».

Вячеслав Иванович, со свойственной ему выдержкой, возразил, что вы, дескать, не можете искренне «смешивать меня, занятого исканием религиозным, с какими-то <?> “декадентами-оргиастами”, если бы даже таковые существовали. И была бы в самом деле группа, так себя определяющая. Вы не можете не знать – и когда-то определённо знали, – что моё “Слово” не искажённый перепев ницшеанства, а попытка раскрыть Диониса как начало религиозное. О чём Ницше и не думал...».

По-гумилёвски романтичный, экзальтированный. Неутомимый «палестинский» и «египетский» путешественник. Пророк, предвидевший в стихах судьбы близких, и не очень, людей – от чьей-то скорой любви до будущего самоубийства (предречённая трагическая смерть в Москве-реке большого друга семьи Ивановых – переводчицы А. Чеботаревской – «Кассандры» вследствие душевной болезни, – И. Ф.).

Тяжело переживший раннюю смерть жены (в 1907 г.), он не впал в уныние наподобие некоторых авторов-«смертяшкиных», как говаривал Горький о постреволюционной сочинительской меланхолии в тисках жестокой реакции 1905-го. Хотя и не в прежнем темпе, но продолжал проводить собрания в знаменитой Башне на Таврической улице, в первый поминальный год неизменно выслушивая по сонате Бетховена на ночь.

Продолжал собирать и в некоем роде каталогизировать лирические характеры, образы, типажи и таланты Серебряного века. За неимением пока собственного исторического термина отсчитывавших и сопоставлявших, сверявших свои литературные, фило-софско-эстетические корни и воззрения с мнемоникой Антоновича «Золотой век» – в различных смысловых наполнениях безусловно: приветствуя, либо в крайней степени отрицая последний. Вроде мандельштамовского Блока в дистихе «Блок – король и маг порока. Рок и боль венчают Блока», – написанного в конце 1911-го, буквально за две недели до открытия квинтэссенции декадентства – арт-кафе «Бродячая собака» с его беспробудно-бодлеровскими ночными сборищами. В час постепенного забвения именитых ивановских «сред», затухания символизма: «...потух в зубах дубрав». В «оранжево-красные» осенние дни понятийного расхода-раздора Иванова с Гумилёвым, несомненно и всенепременно произошедшего под давлением вечно и всем недовольного Брюсова.

Между прочим, древнегреческую традицию архилоховского, вынесенного в эпиграф двустишия, обожали многие поэты, в том числе приятели Иванова по женевскому периоду увертюры 1900-х.

Это и учитель-наставник Гумилёва младший товарищ В. Брюсов: «Быть может, всё в жизни лишь средство для ярко-певучих стихов...» .

И практически – год разница – ровесник Бальмонт: «Есть слово – и оно едино, Россия. Этот звук – свирель». – Вячеслав Иванович по-особенному тепло к нему относился. Они долго, около 20 лет, дружили.

О том, кстати, маленькое отступление с грустным концом...

«Мне очень было жаль Бальмонта!»

В эмиграции Бальмонт пил крепко. Находившегося под колпаком охранки даже в загранке, тоска по родине душила постоянно. После очередных выкрутасов его нередко вытаскивал из запоя Вяч. Иванов, живописуя потом домашним, – всегда с утончённым вкусом и юмором об их весёлых, в общем-то, похождениях. Как, например, Костик, будучи в подпитии, был арестован полицией – и надобно было пристроить провинившегося на исправ. работы. Попутно замечу: во Франции начала XX в. «административка» при-суждалась исключительно по специальности.

Бальмонта спросили, мол, каким ремеслом владеешь? «*Je sais faire des livres*», – типа «я в основном по книгам», – ответил поэт. Посему его сопроводили в тёмный подвал переплётной мастерской, где он несколько дней, вручную, помогал латать и переплетать объёмные кожаные фолианты. Когда эту «печальную» байку случайно услышала впечатлительная дочка Ивановых Лидочка, она убежала в тёмную переднюю и, зарывшись в одежду под висящим сверху портретом в золочёной раме, заплакала: «Мне очень было жаль Бальмонта!» – подмечала она в мемуарах.

На упомянутой картине красовался философ Ницше. Вдоволь наслышавшаяся взрослых разговоров-пересудов о ницшевском сумасшествии, Лидочка частенько – втайне! – рыдала также и над грустной судьбой мятежного безумца: «распятого Диониса».

Хотя непосредственно «умопомешательство» философа Вяч. Иванов связывал, бесспорно, с пророческим озарением – таинственным «обретением прозрения» Ницше, видения бога. Явления священного знания об освобождении человечества от порока и обретения себя в Боге, по ту сторону добра и зла.

Что касаясь Бальмонта, он сторицей «отплатил» товарищу.

Как известно, после революции Иванов хлопотал о лечении за границей в связи с болезнью В. Ивановой. И вот, почти уже подписанная, – с гербовой печатью, – командировка вдруг отменяется! Оказалось, что, когда Луначарский содействовал выезду Ивановых и заодно с ними Бальмонта, – то попросил лично ему дать честное слово: – что они, попав за рубеж, хотя бы год-два открыто не зафордыбчатся против советской власти. Он за них ручался перед партией. Оба они дали обещание.

Бальмонт, выехавший первым, – как только попал в Ревель, – сразу же резко и неоднозначно выступил с антисоветчиной, в результате чего командировку В. Иванова аннулировали.

Упразднена была и долгая дружба двух поэтов.

*Пришелец, н б шне притон я обрёл
С моею ц рицей – Сивиллой...*

Иванов очень любил всех своих дорогих и неуёмных «прихожан».

Это и близорукий Верховский, великолепный С. Городецкий, отменный карикатурист к тому же. А. Белый, почитатель игрушечных солдатиков. Немецкий поэт Гюнтер-«Гюгюс». Толстяк Аничков, не избежавший арестов за марксизм.

Любил весь им созданный «башенный театр» – от многочисленных детишек до мэтров Мейерхольда с Судейкиным. С блестящим актёрским составом: Кузминым, Княжниным, Пястом. По количеству посетителей Башня уступала разве что популярнейшей в недалёком будущем «Бродячей собаке», открытой 29-летним А. Толстым в канун 1912 года.

Правда, Иванов в то время был уже в Эстонии, на даче в Силламягах. Посреди довольно-таки представительной московской консорции, где они рьяно, беззаботно и весело – аж до темноты – резались в городки с историком М. Гершензоном, профессором Д. Петрушевским, адвокатом Ордынским и др.

В тот же двенадцатый год неугомонный А. Толстой устроил весёлый журфикс – экспромт-эпиграмму на В. Иванова. У того от неосторожного обращения с огнём однажды «вспыхнула и сгорела борода»:

*Огнём п лил сердц доньне
И, строя огнестолпный хр м,
Был С л м ндрю Челлини
И не сгор л ни р зу с м.*

*...Но к к С мсон погиб от вл с –
Твоя погибель крыл съ где?
Вокруг полуденного ч с
В с мосгоревшей бороде.*

А дело было так...

Вячеслав Иванович курил буквально не переставая, употребляя аж до 80 папирос в день. Способствовали крайне «дымному» занятию и гости. Комната, где они чаёвничали-уединялись (использовалось шуточное, но точное выражение «аудиенция», на-

значаемая визитёрам), словно потерьянная шхуна плыла в густом табачном мареве: «...сквозит завеса меж землёй и лицом небес».

Однажды зимой Вяч. Иванович отправился в санях на высшие Раевские курсы, где он читал дамам лекции по греческой литературе.

Решив по привычке закурить, зажёл огонь и спрятал его от ветра в спичечный коробок, который внезапно «взорвался», быстро охватив пламенем бороду. Естественно, ничего не оставалось лучшего, чем поехать к цирюльнику, пропустив занятия. Курсистки так и не дождались препода. С того момента бороды он больше не носил. В свою очередь, как бы произнесли сейчас: сенсационный мем «самосожжённая борода» пошёл гулять по городу-«мороку» в виде эпиграмм и анекдотов-приказок. Стал обсуждаем сродни запретному ломоносовскому «Гимну бороде» времён Елизаветы Петровны, официально разрешённому к публикации столетие спустя. (Иванов сильно уважал метрические каноны стиха, заложенные Тредьяковским с Ломоносовым.)

* * *

*Когд в твоих черт х
Мелькнёт, неуловимый,
Тот свет, что я зову,
Тот обр з, что ловлю я, –
Мой стр х, что н яву,
К к т , кого люблю я,
Ист ешь ты...*

Посвящение Верочке Ивановой

...Далее было венчание (1913) – в греческой православной церкви итальянского Ливорно. На том же месте, где на исходе девятнадцатого века он стоял рука в руку с почившей ныне «дерзкой реалисткой» Зиновьевой-Аннибал.

Переезд в Москву. «Старые-новые» друзья: Рачинский с окладистой седой бородой; прекрасная М. Морозова, в замечательном особняке коей устраивались всевозможные концептуальные собрания; князь Е. Трубецкой, С. Булгаков, Бердяев, Флоренский. Рождение сына Дмитрия. (От третьей жены Верочки – приёмной дочери от брака с Л. Зиновьевой-Аннибал.)

Прекратились, разумеется, неожиданные наезды: «Гости неземные, // Чьи бесплотны пальцы, // Вам будить, скитальцы, // Голоса ночные!».

Чаще Иванов сам ходит гащивать. Воодушевлённый в 1910-е неославянофильскими чаяниями, интенсивно и продуктивно читает доклады в литературных салонах и религиозно-философских кружках. Вообще зимний сезон 1913–1914-го выдался чрезвычайно возбуждённым и не на шутку радостным. Народ жадно предавался ликованию и пиршествам. Театры, концерты, танцы. Святочные балы.

В ту пору в заснеженной Москве, бог весть откуда, появляется сумеречный, почти по Лермонтову, странник – старик-призрак... Как потом выяснилось, звали его доктор Любек. «Он был мистик и мистически одарён», – отмечал впоследствии Бердяев в «Самопознании». Родом из Швеции, с пышной бородой, длинными волосами, странно одетого, его приняли во многих домах. Поразивший людей феноменальным своим вниманием, добротой, чуткостью и экстраординарной пронизательностью, Любек рассказывал о тех, кого лицезрел впервые так, словно досконально изучил их прошлое. Да и грядущее тоже. Именно он напророчил смерть жены Вяч. Иванова. (Действительно, Вера умерла в 1920 от туберкулёза, – И. Ф.) Именно он предрёк неведающему праздному и праздничному братству новогодних гуляк приближающийся ураган войны, вскоре пронёсшийся над Европой. России – одну из грандиознейших революций и позорный проигрыш в войне, что только добавило какого-то диковато-бесшабашного энергетического фатума в веселье.

Было ли то интуитивным предчувствием, что идёт последний светлый и беспечный год? Или всем точно завязали глаза шёлковой вуалью, просвечивающей «мирьядами» рождественских огней? Теперь уже неважно.

Важно иное.

То, что начинался новый мир, новая эпоха, новое течение дней: качание «неумолимых весов» сущего. Новейшая и, к счастью, долгая история жизни и творчества Вячеслава Ивановича Иванова.

Мы же, господа, давайте ещё раз заглянем в прошлое. В туманы незабвенного вчера. Припорошенного «сребра чеканного» светом воспоминаний:

*Людских судеб коловорот
В мой берег бьёт неумолимо:
Тоскует к ждѣй, и зовѣт,
И – лчущий – проходит мимо.*

*...В круговр щеньях обыдѣнных,
Ты ск жешь, что прошл н сквозь
Чрез уч сть этих пригвождѣнных
Стр д нья миров я ось.*

Глядя на макушки деревьев Таврического сада...

Голос из кухни: «...тихо-тихо. Баре говорят: надо есть сено! В нём сосредоточены все необходимые элементы». Второй голос: «Странно! Общаются по-русски? А ничего нельзя понять!» – восклицала суетная прислуга в переполненной, кишасей пишушим, страждущим Пегаса людом, «Башне».

Перешѣптываясь, прикрывая рот рукой: «А вот эта-то, лико! – прямо так и заявила хозяину: вы должны помочь мне родить... сверхчеловека! Прямо при жене заявила». – Не ведая, конечно, что «эта» вот супруга Волошина, ярая антропософка Маргарита, в девичестве Сабашникова, имела на то право.

В бытность свою учившаяся, не без успехов, живописи этажом ниже – в школе Бакста и Добужинского; да и в хореографическую к Знаменским забегала, там же. Она-то и пробила брешь в семейной, с виду, идиллии соседей. Да и сам «неистовый», я бы сказал, «неистовейший», по аналогии с Белинским, Максимилиан Александрович не лишѣн был мистицизма. Вплоть до тамплиерских пристрастий. Правда, с Сабашниковой таки развѣлся – извела. «... Кто в ласках тел не видел утоленья. Кто не испил смертельного вина...». Но не суть.

А то ещё придѣтся коснуться тройственно-«божественного» союза Мережковских с Философовым. И гиппиусовское, шипящее, сквозь лорнетку «гулящей девки», как Зинаиду Николаевну окрестила супруга Иванова: «...скажите мне что-нибудь для меня интересное и страшное». Или немислимые любовные триоли-выкрутасы «Гоголька»-Белого, как его ласково называл Иванов...

К тому же в полном смысле слова «нетрадиционалист» – «отец поэтов» Кузмин, смотрите-ка, прикорнул в уголке, делая засыпающий вид. Сколько народу перебивало в Башне!! – не счесть, – восторгалась дочь Вяч. Иванова – Лидия. (Та, что горевала над портретом Ницше.)

Гости, бывало, останавливались с ночевой: кто на два-три дня, кто и вовсе надолго: «Мы – спутники твои. Тебе мы были милы. Навек ты – наш!». Некоторые особо беспокойные москвичи

ехали в Питер без предупреждения, обвешанные чемоданами и поклажей.

Ивановым пришлось даже проломить стену и вставить дверь, присоединив к двум имевшимся ещё одну квартиру, трёхкомнатную, – окнами на Таврическую, с отдельным входом. В последние годы в ней поселился упомянутый Кузмин.

Описаний про «Башню» не счесть. Чего стоят «Встречи» Пяста 1929 года. Тут и Зайцев, и Жорж Иванов. Интересно другое.

Внизу пятиэтажной «Башни» (кто-то насчитывал и шесть, и семь этажей, – учитывая круглый эркер и надстройки), у лифта, ездившего до четвёртого, священнодействовал швейцар Паша. Вот был типаж! Средних лет, одетый в ухоженную опрятную ливрею прежних времён – будто в «хороших домах» старого Петербурга XIX века, – чуть ли не с булавой, он памятником возвышался до полуночи в подъезде на Таврической, благочинно, с поклоном впуская бесчисленных гостей наверх.

Не успев вздремнуть, глотнув с устатку дарёный коньяк, вскоре приводилось вскакивать-просыпаться. В пиджачке и калошах на босу ногу безропотно провожать наружу ранних пташек – кому на службу, в универ, на курсы, – принимая ничтожную мзду из студенческих и богемных рук «за бужение в неурочный час».

Доходило до смешного. Паша до такой степени свыкся с «Башней» и настолько отождествлял себя с её жильцами, что в беседах употреблял фразы не иначе как: «мы тут живём с Ивановыми», «наша с ними площадь», «наши гости», «мои постояльцы», «ко мне давеча заехали Блок с Ахматовой». Вроде того: «...к нам тут намедни приезжал министр Плеве. Но мы его не приняли», – имея в виду зловредного командующего русской армией Куропаткина, поселившегося внизу «башни» в 1904-м. А единственный на весь дом телефон в лифтёрной выдавал, ну ровно за свою собственность, с гонором и неким сожалением, претендуя, непреложно, на чаевые.

У этого Павла, – как и полагалось подлестничным жильцам, – было несметное количество детей, что преисполняло необыкновенным шармом сумятицу дней, окружённую непререкаемыми богами Серебряного века...